

Иранская миниатюра

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

Шахиншаху мировой любовной лирики – великому иранскому поэту Хафизу (1325–1390) исполняется 700 лет. Его подлинное имя – Ходжа Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз. Родился он в городе Ширазе, воспетом также нашим гением Сергеем Есениным в его «Персидских мотивах». Имя Хафиз стало нарицатель-

ным – так зовут с тех пор всех последующих певцов любви и непреходящих радостей жизни. Поэт жил в основном в родном городе, изредка выезжая в другие столицы по приглашению правителей, которых было немало на его веку. Самый знаменитый из них – Тамерлан. Он чуть было не казнил поэта за строки: «Когда ширазскую тюрчанку / своим кумиром изберу, / за родинку её вручу ей / и Самарканд и Бухару», но Хафиз, представший перед властелином в ветхом рубище дервиша, с поклоном сказал: «О, повелитель мира! Взгляни, до чего довела меня моя расточительность!» Не ожидавший такого ответа, Тимур расхохотался и обласкал поэта. Сегодня «Диван», посмертное собрание сочинений Хафиза – наиболее часто издаваемая (после Корана) и самая раскупаемая книга в Иране. Любовную лирику Хафиза (а он кроме песен о прекрасных всепоглощающих чувствах не очень-то отвлекался на другие темы), его газели любят в изящных переводах по всему миру. В предлагаемой подборке – жемчужины из наследия Хафиза, а также отдельные образцы творчества других непревзойдённых лириков средневекового Востока – Рудаки, Саади, Джами, Омара Хайяма, Амира Хосрова Дехлеви. А мощным аккордом в этом мужском окружении – послания любимому величайшей китайской поэтессы Ли Цинчжао, жившей почти тысячу лет назад.

САГИН-ГИРЕЙ

ХАФИЗ (1325–1390)

Без любви нужна ли мне весна?
Без вина мне чаша не нужна.
Что без милой луг и зелень сада,
Аромат, прохлада, тишина?
Что без соловья любая роза?
Вянет, осыпается она.
Что мне ночь, и небо, и созвездья,
Если нет тебя, моя луна?
Если нет любви, куда годится
Самая достойная жена?
Нет любви, Хафиз, – и жизнь постыла,
И душа уныла и скудна.

Hafiz-i-Shirazi-Arslan-Kahraman

ИМЕНА

Как я страдал, как я любил – не спрашивай меня.
Как яд разлуки долгой пил – не спрашивай меня.

Как я любовь свою искал и кто в конце концов
Теперь мне больше жизни мил – не спрашивай меня.

Как я от страсти изнывал и сколько горьких слёз
Я в пыль у этой двери лил – не спрашивай меня.

Какие слышал я слова из уст её вчера!
Ты хочешь, чтобы повторил? Не спрашивай меня!

Ты не кусай в досаде губ, беседуя со мной.
От скольких губ я сам вкусил – не спрашивай меня.

Как стал я нищ и одинок, как все свои грехи
Я кровью сердца искупил – не спрашивай меня.

Как от соперников Хафиз мученья претерпел
И как он жалок стал и хил – не спрашивай меня.

Абдулла. Влюблённые

Иранская танцовщица

От напрасных страданий избавьте меня,
От смешных ожиданий избавьте меня.
От любовного бреда, от женских уловок,
От пустых обещаний избавьте меня.
От тоски по объятьям, желанным и лживым,
От ревнивых терзаний избавьте меня.
От неискренних ласк, от скупых поцелуев,
От холодных свиданий избавьте меня.
От несбывшихся снов разбудите Хафиза –
От бессонных желаний избавьте меня!

Пошёл я в сад поразмышлять на воле.
Там голос соловья звенел от боли.

Бедняга, как и я, влюблённый страстно,
Над розою стонал... Не оттого ли,

Что вся она в шипах? Бродя по саду,
Я размышлял о соловьиной доле.

Из века в век одна и та же песня:
Она – в шипах, а он – в слезах. Доколе?

И что мне делать, если эти трели
Меня лишают разума и воли?

Ни разу люди розы не срывали,
Чтобы шипы им рук не искололи.

Увы, Хафиз! Нет счастья в этом мире,
Нет утоленья нам в земной юдоли...

Перевод Михаила Курганцева

Ли Цинчжао

ЛИ ЦИНЧЖАО (1084–1151)

В саду коснулась веточки сирени –
Так хочется с тобой её вдыхать!
Но рядом проплывают только тени –
Минувших встреч бывлая благодать...

За горизонтом скрылась туча-птица,
Освободив от сумрака закат.
Взошла луна, свеча во мгле курится,
Цветочный издавая аромат.
Я вспоминаю радостные годы,
Безоблачное наше бытие...
Как хорошо, что перепад погоды
Украсил одиночество моё.

Цветок не радует увядший –
О возрасте напоминает.
Одна ночью в старой лодке
Под взглядом пристальным луны.
Гусь одинокий надо мною
С тревожным криком пролетает.
Какую весть несёт – не знаю,
На север с южной стороны.
Быть может, древнее преданье
Иль предстоящее свиданье...
Мы связаны с тобой навеки
Невидимым узлом судьбы.
И повторяется мгновенье –
Лишь прогоню с бровей страданье –
Оно меняет направление,
Вонзает в грудь свои шипы.

Перевод Юрия Ключникова

Юнь Шоупин. Китайский пион

СААДИ (1210–1292)

Красавица и в рубище убогом,
И в бедности всех будет затмевать.
А той – уродине в парче и злате –
Покойников пристало обмывать.

Эй, пустомеля и болтун, как о любви ты смеешь петь?
Ведь стройно ты за жизнь свою десятка бейтов не связал!
Смотри, как в помыслах высок владык слова Саади, –
Он пел любовь, одну любовь –
земных владык не восхвалял.

Если в рай после смерти меня поведут без тебя, –
Я закрою глаза, чтобы светлого рая не видеть.
Ведь в раю без тебя мне придётся сгорать, как в аду,
Нет, Аллах не захочет меня так жестоко обидеть!

Перевод Владимира Державина

Саади с учеником

ОМАР ХАЙЯМ (ок. 1048 – ок. 1123)

* * *

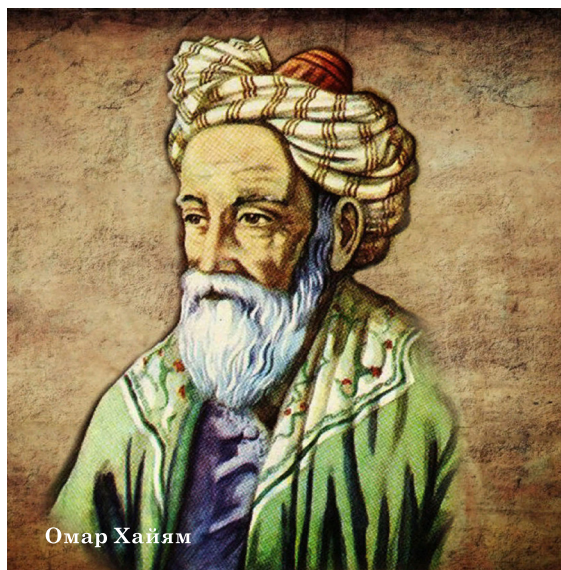
И пылинка – живую частицей была.
 Чёрным локоном, длинной ресницей была.
 Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
 Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

* * *

Поутру просыпается роза моя,
 На ветру распускается роза моя.
 О, жестокое небо! Едва распустилась –
 Как уже осыпается роза моя.

* * *

Ты не очень-то щедр, всемогущий Творец:
 Сколько в мире тобою разбитых сердец!
 Губ рубиновых, мускусных локонов сколько
 Ты, как скряга, упрятал в бездонный ларец!

* * *

Оттого, что неправеден мир, не страдай,
 Не тверди нам о смерти и сам не рыдай,
 Наливай в пиалу эту алую влагу,
 Белогрудой красавице сердце отдай.

* * *

Как прекрасны и как неизменно новы
 И румянец любимой, и зелень травы!
 Будь весёлым и ты: не скорби о минувшем,
 Не тверди, обливаясь слезами: «Увы!»

* * *

Не моли о любви, безнадежно любя,
 Не броди под окном у неверной, скорбя.
 Слово нищие дервиши, будь независим —
 Может статься, тогда и полюбят тебя.

РУДАКИ (ок. 864–941)

* * *

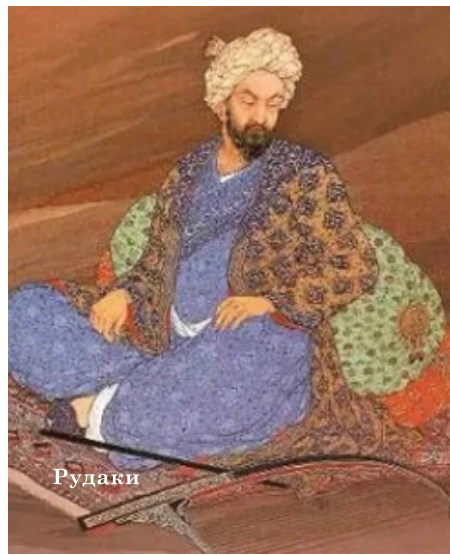
Поцелуй любви желанный,
 Он с водой солёной схож:
 Тем сильнее жаждешь влаги,
 Чем неистовее пьёшь.

* * *

Самум разлуки налетел – и нет тебя со мной!
 С корнями вырвал жизнь мою он из земли родной.
 Твой локон – смертоносный лук, твои ресницы – стрелы.
 Моя любовь! Как без тебя свершу я путь земной!
 И кто дерзнет тебя спросить: «Что поцелуй твой стоит?»
 Ста жизнью мало за него, так как же быть с одной?
 Ты солнцем гордой красоты мой разум ослепила.
 Ты сердце опалила мне усладю хмельной.

Перевод Вильгельма Левика

Перевод Германа Плисецкого

ДЖАМИ (1441–1492)

* * *

Желанная моя, могу сказать я смело:
Из вещества души твоё слепили тело.
Душой твоей живой пахнуло на меня
От платья, что лишь раз на плечи ты надела.
Что стало бы со мной при виде плеч твоих?
Я платье увидал – душа оцепенела.
Нежны цветы, но есть их нежности предел,
На свете лишь твоей нет нежности предела.
Всего лишь раз один я слышал голос твой:
Ты говорила мне, не говорила – пела.
Твой голос до сих пор звучит в моих ушах,
С ним даже в чёрный день всё предо мною бело.
И всё ж заветных слов не услышал Джами, –
Хоть отдал всё тебе, душа его сгорела.

* * *

Моя любовь к тебе – мой храм, но вот беда,
Лежит через пески уборов путь туда.
Где обитаешь ты, там – населённый город,
А остальные все пустынные города.
Взгляни же на меня, подай мне весть, и буду
Я счастлив даже в день последнего суда.
Ведь если верим мы в великодушье кравчих,
Вино для нас течёт, как полая вода.
Смолкает муэдзин, он забывает долг свой,
Когда приходишь ты, чиста и молода.
Что написал Джами, не по тебе тоскую,
Слезами по тебе он смоем навсегда.

Перевод Веры Звягинцевой

АМИР ХОСРОВ ДЕХЛЕВИ (1253–1325)

* * *

Сто сердец пылают, как во мраке свечи,
В чёрных косах, павших струями на плечи.
И в огне сочится и чадит алоэ
Распалённых страстью, взятых в плен тобою.
Ты мечом жестоко рассекаешь тело
И неотразимо мечешь взором стрелы.
Извела Хосрова так твоя немилость,
Что глазницы кровью сердца обагрились.

Но оковы рабства надеваешь снова,
Хоть давно печали предала Хосрова.

Перевод Дмитрия Седых

